



СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	7
Глава 1. Детство и юность	11
Глава 2. Бегство	34
Глава 3. Новый мир, темная магия	50
Глава 4. Индия: в поисках света	63
Глава 5. Путешествие по Азии	81
Глава 6. Возвращение к «реальности»	104
Глава 7. Снова на Запад.....	115
Глава 8. В краю пумы	130
Глава 9. Назад в Старый Свет.....	144
Глава 10. Вхождение в Церковь	172
Глава 11. Новый образ жизни	189
Глава 12. Дары	225
Глава 13. Уроки	250
Глава 14. Трудный перевал	273
Глава 15. Новые двери.....	285
Глава 16. Помилуй меня, грешного	300

ОТ РЕДАКЦИИ

Если честно, сначала я пожалел, что взялся за это предисловие. Жалел, сидя почти час у монитора, разглядывая белый лист открытого файла. Просто не понимал, с чего начать. Столько впечатлений, и при этом все мысли, с помощью которых хотелось выразить свои эмоции, лишь вгоняли эти эмоции в какие-то узкие, совсем неподходящие описания.

Но деваться некуда, я же обещал написать предисловие к этой книге. Тем более она буквально вырвала меня из привычного ритма жизни. Читая, я постоянно ощущал себя в диалоге, споре с автором, иногда даже сомневался в достоверности описываемых событий, часто автор меня раздражал — но ни разу не захотелось прервать этот беспокойный диалог.

И вот чем дальше я продвигался, тем больше понимал автора, тем сильнее ощущал, что начинаю верить каждому его слову, что уже не спорю с ним больше, и сердце мое открывается всему, что я читаю. Более того, слова книги превращались в живые клетки яркой и неординарной жизни Клауса Кеннета.

Когда шла работа над переводом и мы с ведущим редактором Мариной Нефедовой постепенно знакомились с текстом, иногда возникало серьезное искушение вообще не включать в наше издание некоторые фрагменты. Слишком смутительными, иногда странными, иногда чересчур жесткими для читателя они казались.

Мы отправили Клаусу наше аргументированное предложение по сокращению его текста для русского издания.

— Вы режете по живому, — ответил он в письме. — Это мой опыт пути к Богу, и, если что-нибудь из него вырезать, — это

будет уже не совсем мой путь, а моя жизнь уже не останется моей.

И как же он был прав! Книга «2 000 000 километров до любви»^{*} читается так, словно ты проживаешь с автором всю его жизнь.

«Я был озлоблен и ненавидел весь мир, потому что мир был жесток ко мне. В будущем мне предстояло более двадцати раз стоять на пороге смерти — и всякий раз выходить из этих передрыг живым...»

Из этой боли тяжелейшего детства, — из опыта травм, о которых мало кто готов говорить, через саморазрушение, рефлексию, погружение в эзотерику, вхождение в различные религии, — мы вместе с Клаусом совершаем путешествие к его встрече с Живым Богом, к миру с собой и с мирозданием.

«Человек может получить прощение, пройти путь от „разума к сердцу“, его сердце способно измениться. Это может произойти в любой момент, в любом месте, при любых обстоятельствах. Главное, чтобы души коснулась любовь Отца, Сына и Святого Духа. Непередаваемая, неопишуемая Божья любовь носилась над водами еще до сотворения мира, она и по сей день парит над миром, охватывая собой все сущее. Если ты готов распахнуть свое сердце, она войдет в него прямо здесь и сейчас», — пишет Кеннет.

*

При первом издании в 2001 году книга называлась *Born to Hate, Reborn to Love* («Рожденный ненавидеть, возрожденный любовью»). Однако при дальнейших изданиях на разных языках названия книги несколько раз менялись. С любезного согласия автора для русскоязычной версии мы взяли немного измененное название немецкого издания.

Это действительно настоящее путешествие от ненависти к любви.

Чаше всего люди, погружаясь в описание прошлого, осознанно и неосознанно себя в нем изменяют в соответствии с нынешними взглядами и мыслями. У Клауса Кеннета каждый этап его жизни удивительным образом раскрывается изнутри тех мыслей, которыми он был пленен, тех ошибок, что он совершал, идей, которыми он вдохновлялся в своем искреннем и непрерывном поиске истины. И такой предельной открытости, такой уязвимости, пронизывающей всю историю Клауса, найти в автобиографическом жанре ох как непросто. И в этом — главная ценность его истории.

*Владимир Лучанинов,
главный редактор издательства «Никея»*

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

— Признайся, ты украл яблоко!

— Нет!

Шарах! Восемнадцатилетний парень дает мне здоровую затрецину.

— А теперь признаешься? Ведь ты украл, правда?!

— Нет, нет! — продолжаю кричать я, и меня бьют по лицу снова и снова.

— Я же видел, просто сознайся!

— Нет же, нет! — Я отчаянно протестую, хотя мне всего пять лет.

В глазах у меня все плывет, еще немного, и я потеряю сознание. Но чем больше меня бьют, тем больше закипает во мне упрямство. Я ненавижу этого детину.

— Никогда, никогда, — вопил я, — не брал я никаких яблок! Тут, к счастью, вмешались взрослые. Наши родители растащили нас в разные стороны. Они были поражены этой сценой и моим несчастным видом. В них говорила лишь жалость, и о том, виноват ли я в чем-то, никто даже не

задумывался. На самом деле я действительно украл яблоко из сада хозяина, сдававшего нам дом. Но моя гордыня и ненависть ко всем вокруг не давали мне признать этот факт. Мне было легче умереть, чем сознаться.

Я был озлоблен и ненавидел весь мир, потому что мир был жесток ко мне. В будущем мне предстояло более двадцати раз стоять на пороге смерти — и всякий раз выходить из этих передрыг живым. Я мог погибнуть от огня, шальной пули, бандитского ножа, от наркотиков и укусов змей. Мог стать жертвой войн, был на грани самоубийства. Меня топтали и унижали. Лишь Господь знает, что мне довелось пережить! Со временем я понял: Бог знает все. Он, по милости Своей, помнит каждого из нас, ищет и находит нас. Именно Он в конечном итоге вытаскивал меня из самых ужасных перипетий и спасал от того ада, с которым мне пришлось столкнуться.

Я всегда был мечтателем. Я мечтал о прекрасном. Но мир вновь и вновь ловил меня в свои сети, потому что я каждый раз повторял одну и ту же ошибку — доверялся не тем людям. Тяжкий опыт, полученный в самом начале жизни, заставил меня убедиться, что реальность кошмарна. Что мне было делать, чтобы выжить? Оставалось лишь не терять надежды и продолжать верить в людей.

Мои несчастья начались еще до моего рождения. Мать никогда меня не любила. Она и саму жизнь не любила. От чего ее душа всегда была погружена во мрак? Теперь я понимаю, как действуют силы зла. Бесы и другие невидимые духи тьмы могут управлять человеком, заставлять его принимать определенные решения. А сам он не особо и замечает, что им движет. Естественно, все это возможно, только пока он пребывает вне Божьей благодати.

Силы тьмы противостоят всему живому. Родители могут передавать одержимость детям, так что зло способно переходить из рода в род¹. Если оценивать реальность с этой точки зрения, то неумение моей матери любить и ее отношение ко мне оказываются вполне объяснимыми. Хотя в целом надо сказать, что дети были для нее желанными и она не была против нашего появления на свет. Еще одна причина может скрываться в том, что и ее в детстве родители не любили. Думаю, она страстно хотела обрести нечто вечное, надежное — что-то, что переживет ее. Подобное желание естественно, если учесть, что ей довелось видеть две мировые войны, отнявшие у нее все. Поэтому впоследствии ее властная натура просто жаждала владеть и подчинять, и именovala это любовью.

С самого рождения я, без сомнения, находился во власти разрушительных сил. Незадолго до своей смерти мама много рассказывала, что так же, как и я, когда-то боролась со своей матерью. Духи зла не давали маме принять новую жизнь, а я принадлежал этой новой жизни, потому она отталкивала меня. Это не было ее осознанным решением. Оно просто проистекало из того состояния, в котором пребывала ее душа.



Я родился в мае 1945 года в маленькой деревушке к западу от Праги. Мои родители были в этих местах чужаками. До этого отец с матерью вполне благополучно жили

¹

См. Исх. 20: 5.

в Берлине. Мама была известной оперной певицей и актрисой, а отец — дирижером. Но когда начались бомбардировки столицы, они подхватили моих старших братьев (одному был год, другому — два) и на телеге для перевозки сена отправились в южнонемецкие земли в надежде на то, что родственники их приютят.

Проезжая по территории нынешней Чехии, они не могли не заметить, что в сердцах людей, живших на оккупированных немцами землях, поселилось стойкое отвращение к нацистской Германии. Война не оставила здесь камня на камне. Города и села были разбомблены и сожжены. Тела убитых немецких солдат висели на фонарных столбах. Родители были в ужасе, но им ничего не оставалось, как продолжать двигаться дальше, надеясь спастись от стремительно наступавшей с востока Красной армии. В этот момент я и собрался явиться на свет...

Родителям пришлось сделать остановку в пути. Схватки становились все интенсивнее, и матери надо было найти тихое убежище. Отец нашел где-то акушерку, но она явилась к роженице абсолютно пьяной, так что отцу пришлось фактически самому принимать роды. Вместо кровати меня поместили в деревянную кормушку в конюшне. Впрочем, мое пребывание «в яслях» длилось недолго — неприятель приближался. Родителям, теперь уже обремененным тремя отпрысками, удалось пристроиться в вагон товарного поезда, шедшего на юго-запад.

Это путешествие закончилось внезапно. Однажды утром в вагоне раздался грубый окрик: «На выход!» Беженцы проснулись и в страхе стали жаться друг к другу. Не успели они подняться, как раздалась автоматная очередь. Мои отец и мать не могли по голосу определить, какой

национальности был тот, кто попытался расстрелять безоружных людей. Нашу семью спасло от неминуемой гибели появление американского военного, вовремя вмешавшегося и прекратившего перестрелку. Я узнал об этом первом в моей жизни чудесном спасении гораздо позже — отец рассказал мне о нем лишь сорок лет спустя.

Вскоре меня ждало еще одно испытание. Это произошло где-то на дорогах Южной Германии. Мы голодали. Мне грозила голодная смерть. В отчаянии мать пошла по больницам, выпрашивая хоть какие-нибудь продукты. Она пыталась разжалобить врачей и медсестер, показывая им умирающего младенца. Но те оставались холодны.

— Вам сильно повезет, если он проживет хотя бы пару дней, — прямо говорили ей они. — Он не жилец. А у нас нет излишков, чтобы с вами поделиться.

Но тут меня снова спасли американцы. Солдаты принесли матери две банки сухого молока и еще какую-то еду, которая позволила всем нам продержаться. Так снова было явлено знамение Божьей любви: Господь простер свою руку и защитил младенца Клауса, не дав ему погибнуть.

Однако впереди ждали новые тревоги. Когда мы въехали в город Аугсбург, нас остановил патруль. Мою мать, молодую привлекательную женщину, солдаты выволокли из повозки, где сидели все мы, и потащили в дом начальника станции. Через некоторое время она вернулась — бледная, с перекошенным лицом, в разорванной одежде. Незадолго до своей смерти она со слезами на глазах рассказала мне, что ей пришлось пережить там и на что пойти, чтобы остаться в живых.

И вот наконец путешествие окончилось. Мы обосновались в городке Биберах. Условия там были ужасные, еды

катастрофически не хватало. Но несмотря на голод, я вырос и окреп. И тут выяснилось, что недостаток продуктов является куда менее трагичным фактом, чем недостаток любви.



Не только нужда, лишения и невзгоды, но и более глубокие внутренние обстоятельства, связанные с прошлым, сделали мою мать неспособной дарить своим детям настоящую материнскую любовь. Отец был в этом смысле не лучше. Он был обаятельным, но слабым и бесхарактерным человеком. Ему только и хватило духу, что провезти семейство через тяжкие испытания после бегства из Берлина. Но долго жить в нищете он не мог. Он нас бросил вскоре после того, как мы осели на новом месте. Получилось, что в детстве я так и не узнал ни отцовской заботы, ни отцовской защиты.

Отца возмущало то, что ему приходится влачить столь жалкое существование. Он был уверен, что достоин большего. Понятное дело: неприятно питаться одними картофельными очистками. А очень часто у нас на столе ничего, кроме них, и не было. Даже когда быт немного наладился, с продуктами было туго. Мама варила похлебку из сухих хлебных корок, которые ей отдавали сердобольные соседи. Но отец с возмущением выливал свою порцию варева прямо в окно. Он вел себя грубо и бессердечно. Наверное, даже и хорошо, что я недолго жил с ним бок о бок.

Что до матери, то она была одержима контролем над всем и вся. Возможно, отчасти причиной тому стало ее

стремительное падение с вершин славы и благополучия. Она достигла пика оперной карьеры, получала огромные гонорары. Публика ее обожала. Но ее родной Берлин разрушили до основания; от театров, где она выступала, не осталось камня на камне.

Однако, как я уже говорил, проблема была не только и не столько материальной. В глазах своей матери я никогда не видел нежности. Напротив, в ее взгляде было что-то пугающее и мрачное, от чего хотелось спрятаться. Я целыми днями гулял, шатался по улицам, а иногда подолгу ждал на углу, когда мимо проедут американские танки, в надежде, что солдаты бросят мне краюху хлеба или сухое печенье. И действительно, случались отдельные счастливые дни, когда мне удавалось добыть эти трофеи.

Глупость и детское любопытство заставляли меня пить прямо из луж. Бывало, что я проглатывал дождевых червей. Когда мне было пять-шесть лет, я по ночам выбирался на крышу нашего дома, а потом съезжал вниз по водосточной трубе и пытался сбежать. Мать нередко ловила меня и лупила. Потом я стал хитрее и научился выбираться из комнаты очень тихо, когда она уже спала, уверенная, что я тоже сплю в своей кровати.



Меня всегда, даже в совсем юном возрасте, привлекали кладбища и интересовало все, что связано со смертью. Во время своих полуночных путешествий я гулял среди могил и иногда даже устраивался там на ночлег. Я проверял себя, испытывал свою храбрость, а заодно и прятался таким

образом от враждебного мира живых. Наверное, мир покойников казался надежным убежищем, достойной альтернативой той среде, в которой я существовал. А может, во время этих одиноких блужданий я искал острых ощущений, сильных эмоций, которые могли бы восполнить нехватку родительской любви.

Мои братья, казалось, куда спокойнее переживали отсутствие в доме семейного тепла. Но я не мог этого выносить. Не знаю, хорошо это или плохо, но я с детства ощущал себя особым ребенком, отличающимся от других детей. Поэтому я был одинок и озлоблен. И когда проводил ночи среди могил, мечтал, чтобы темные существа из потустороннего мира явились и наделили меня особой силой, а еще открыли бы смысл жизни.

Недалеко от кладбища находился морг. Иногда я забирался туда днем, чтобы походить среди покойников и прикоснуться к ним. Я испытывал какую-то магическую тягу к мертвым телам. Я знал, что внутри меня живет особая сила, мощный дух ненависти и отчаяния. Я ненавидел мать, школу, учителей, всех взрослых, весь мир. И из этой ненависти рождалось чувство тоскливой безысходности.

Особенно сильно меня тянуло погрузиться в мир ночных существ в полнолуния. Бывало, что я в полусне, как лунатик, забирался на темный чердак нашего дома. Мать не раз наблюдала, как я иду по лестнице с закрытыми глазами. Она ловила меня и отводила обратно в кровать. Если меня запирали в комнате, то я мучился от бессонницы. Я крутился в кровати, меня ломало и корежило, я кричал от ужаса. Я оказался как бы «между мирами», и все оттого, что не знал любви. Вокруг всегда веяло холодом. Все, что я помню о тех годах, — это ощущение безнадежности, пустоты,

одинокства и страха. Нигде я не чувствовал себя своим. Мне было непонятно, зачем я существую. Все казалось бессмысленным. Я и вообразить не мог, что у Бога есть особый замысел о каждом человеке и Он уготовил каждому особую цель. Если бы даже кто-то сказал мне об этом, я бы поднял этого человека на смех.



Соседские дети чувствовали, что я не похож ни на кого из них. Поэтому они дразнили меня и издевались надо мной. Я не играл с ними, футбол меня не интересовал, хотя они пытались силой заставить меня присоединиться к команде. Иногда меня, как мячик, пинали ногами. Это причиняло не только физическую, но и душевную боль. Я был не в состоянии в одиночку противостоять им всем. О, если бы хоть кто-то из них протянул мне руку дружбы! Но никто не желал сделать шаг навстречу. Я знать не знал, что такое дружба с ровесниками. Я не знал, что значит чувствовать себя частью семьи, частью чего-то большего, чем я сам.

Я задыхался от так называемой «любви» матери, которая всеми силами стремилась подчинить мою волю своей. Я боялся этой женщины. Я часто мечтал о том, чтобы она умерла, и про себя именовал ее «черной дамой».

От ее взгляда меня нередко охватывала дрожь. Казалось, что-то ужасное шевелится в глубинах ее души. И как стало понятно позднее, я был прав. Однажды она привела меня и моих братьев в кухню и включила газ. Она собиралась покончить с собой и убить всех нас заодно. Я этого эпизода не помню — она сама мне рассказала о нем уже на смертном

одре. Так или иначе, ее попытка не удалась. Не в первый и не в последний раз Бог сохранил мне жизнь.



Остро нуждаясь хоть в какой-то почве под ногами, я принялся строить свой воображаемый мир. Он был наполнен яркими героями, которые боролись против лжи и несправедливости. Идею о том, что правда все же может восторжествовать, я почерпнул в основном из комиксов. Моим любимым персонажем был воитель по прозвищу Железный человек, чья жизнь была постоянной борьбой.

Я фантазировал о том, как можно было бы отомстить всем взрослым, отплатить им за то, как они обращались со мной, и придумывал свои собственные правила и законы. Попытки старших навязать мне общечеловеческие ценности и познакомить с законами общества были неудачными. С самого детства я никого не слушал — ни мать, ни монахинь, которые работали в нашем детском саду. Они унижали и наказывали меня — например, если я много болтал, заклеивали рот пластырем. Когда я стал постарше, меня официально признали «не поддающимся воспитанию». Но это меня несколько не смутило. Я продолжал следовать собственному внутреннему кодексу. Любые наставники мне были не указ. Полицейских я тоже ни во что не ставил. Очень быстро выяснилось, что и с ними у меня непримиримый конфликт. Я принял твердое решение: не подчиняюсь властям и не признаю авторитетов.

В подростковом возрасте я стал отпетым хулиганом, так что ко мне потянулись другие юные отщепенцы. Ощущая

во мне задатки лидера, «уличные мальчишки» стали группироваться вокруг меня, и я превратился в главаря банды. В основном мы грабили местные магазины, а также отчаянно дрались с другими такими же шайками. В ход шли палки и камни. А что в итоге? Пробитые головы и вечные синяки.

Мне приходилось изворачиваться, чтобы реже попадаться с поличным и избегать наказания. Я научился виртуозно врать, скрывая свои уличные похождения от матери и педагогов. Если дома поднимался скандал, я убегал в ближайший лес. Там у меня было убежище: я соорудил себе удобную лежанку из веток и листьев. В лесу никто не мог бы меня отыскать. Здесь можно было побыть в одиночестве, помечтать и пофантазировать.

Но иногда я все же попадался стражам порядка — после этого дома меня жестоко наказывали. Мать выходила из себя, хватала кочергу и лупила меня ею, призывая братьев, чтобы те ей помогли. Они укладывали меня на пол и держали, один — за руки, а другой — за ноги, а она остервенело била меня. Я лежал у ее ног, не в силах пошевелиться. Братья плакали оттого, что вынуждены были участвовать в этом бесчеловечном насилии. Но моя мать не знала других методов воспитания. Сейчас я часто задаюсь вопросом: кто из нас двоих в тот момент чувствовал себя более беспомощным?



Когда люди любят и уважают друг друга, то их взаимодействие чем-то похоже на работу хорошо отлаженной и разумно устроенной гидроэлектростанции. Все водные

потоки движутся в правильном направлении, при этом высвобождается огромное количество энергии. Если говорить о человеческих отношениях, то эта энергия — творческая. Однако в моей маленькой вселенной вода по капле уходила в никуда. Что до морали, тут я падал все ниже и ниже.

Моя ненависть ко всему на свете росла, а злоба и мстительность усиливались. Меня били снова и снова, мне было больно, но я старался не плакать и вообще не показывать никому своих чувств, потому что боялся, что любое проявление эмоций выдаст мою слабость — и тогда окружающие могут решить, что вышли из этой схватки победителями. Нет, дать им такой козырь я не мог. На самом деле еще в возрасте пяти лет я пообещал себе никогда не лить слезы. И хранил верность этой клятве в течение последующих двадцати пяти лет. А потом произошло событие, «прорвавшее плотину» и заставившее выйти на поверхность всю накопившуюся в моей душе горечь и боль. Но об этом я расскажу в свое время.

Как я уже говорил, вместо того чтобы давать волю чувствам, большую часть детских лет я посвятил вынашиванию планов реванша. Я верил, что наступит день, когда я окажусь сильнее всех. Но чтобы достичь этой цели, мне нужно было, как я тогда думал, научиться влиять на других. Я превратился в некоего хамелеона, способного менять окраску и носить любую маску. Таким образом, полагал я, мне удастся проникнуть в людские души и подмять их под себя. Если придется стать лицедеем, клоуном — что ж, я готов и на это, чтобы добиться своего. Я твердо решил, что мне все это необходимо, потому что я должен набрать силу и со временем наказать всех своих мучителей.



В юности с моей психикой стало происходить неладное. Я был хитер и изворотлив, но убежать от собственных демонов, порождавших внутреннее разложение и деградацию, все же не мог.

Для начала надо пояснить, что, несмотря на хулиганское поведение, временами я вполне в состоянии был неплохо учиться и, благодаря целеустремленности и сообразительности, в старших классах сумел попасть в хорошую школу. При этом с первого дня я беззастенчиво хамил учителям, нарушал правила, вел себя вызывающе. Одним из первых в классе отрастил длинные волосы и увлекся граффити, малюя краской на стенах разные слоганы. В конце первого семестра у меня накопилось семьдесят шесть замечаний и предупреждений от администрации. Я был на грани исключения. В те дни мне отчаянно требовалось внимание взрослых, и было все равно, какими средствами, хорошими или дурными, добиваться этой цели.

Клаус всегда был белой вороной, виновным в любом несчастье. Случалось, что меня обвиняли огульно, и это особенно выводило меня из себя. Во мне жило в зачатке чувство собственного достоинства, но окружающие не давали ему взрасти и окрепнуть, потому что всегда получалось так — что бы я ни делал, я все равно виноват. Я ощущал себя загнанным в угол. Вскоре все жители нашего городка пришли к убеждению, что Клаус — корень всякого зла, которое происходит вокруг. Репутация моя была настолько ужасной, что при всяком неприятном происшествии полиция хватала меня (иногда прямо с урока) и тащила в участок на допрос. Меня часто арестовывали и регулярно назначали небольшие

сроки тюремного заключения. Помню, как-то раз я провел в полиции несколько дней и там познакомился с молодыми китайцами. Они были маоистами. Мне так хотелось присоединиться к кому-то, быть частью чего-то большего, какого-то другого мира, в котором действуют иные представления о правде и лжи, что я горячо принял их убеждения и несколько лет поддерживал с ними связь. И даже писал статьи в их ежемесячную газету China in Pictures («Иллюстрированный Китай»).



Мое поведение становилось все более асоциальным, и параллельно с этим ухудшалось психологическое состояние моей матери. Станным образом в ней сочетались склонность к разного рода оккультным практикам и ревностная преданность католичеству. Она все время пыталась наладить контакт с потусторонним миром — при этом почти каждый день ходила к мессе и часто плакала в церкви. Только сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как тяжело ей было тогда.

Эмоционально мы были бесконечно далеки друг от друга, мы достигли некоей точки невозврата — пребывание рядом друг с другом было для нас невыносимым. И тут мать решила предпринять последнюю отчаянную попытку повлиять на меня. Она потащила меня в церковь и, опустившись рядом со мной на колени, громко заохала. Молитва ее была такой: — Господи, я больше не могу этого выдержать. Не могу жить с этим гадким мальчишкой. Пожалуйста, заberi его у меня!

Затем она повернулась ко мне и сказала:

— Клаус, хочу, чтобы ты знал: с этого момента ты мне больше не сын, а я тебе не мать. Мое терпение иссякло!

И она снова стала молиться. На этот раз Богородице:

— Мария, Матерь Бога нашего, вверяю тебе Клауса. Будь ему матерью, позаботься о нем.

Так она сняла с себя всю родительскую ответственность за меня.

Удивительно, но мать очень быстро получила ответ на свои страстные молитвы. Во всяком случае, когда католический священник, которого она хорошо знала, предложил мне пожить в его доме, она сочла это знаком свыше. Этот пастырь помимо служения в церкви возглавлял городскую молодежную организацию, которая именовалась Neudeutschland («Новая Германия»). Я был ее членом. Он уговорил мать отправить меня к нему, уверив ее, что позаботится о моем образовании. Скорее всего, она испытала огромное облегчение: наконец-то ее проблемный и невосприимчивый ни к чему хорошему ребенок окажется в добрых руках! И заодно ей удастся навсегда избавиться от него. Вскоре я горько пожалел об этих переменах в жизни. Оказалось, что, покинув холодный и неудобный дом, я сменил его на куда более ужасное место пребывания. Но поначалу все это было неочевидно. У меня не было симпатии к приютившему меня священнику — увальню средних лет. Однако в тот момент я полагал, что все же лучше жить под одной кровлей с этим святошей, чем оставаться в семье, в которой я никому не был нужен.

Спустя некоторое время после переезда священник сказал мне:

— Клаус, зайди в мою комнату в восемь вечера с фотографией для паспорта.

Мне почудились в его голосе странные нотки, и поэтому целый день я провел в беспокойстве, ожидая вечерней встречи.

А она и правда оказалась странной.

Я сидел и смотрел, как святой отец положил мою фотографию на стол, вынул из кармана маленький серебряный маятник и подержал его над снимком. И вот маятник начал понемногу раскачиваться вперед и назад, хотя я не замечал, чтобы пальцы державшей его руки двигались. Потом священник пробормотал несколько слов, которые я не смог разобрать. Весь его облик и интонации заставили меня прийти к выводу, что он читает какую-то очень необычную молитву. Затем он стал задавать мне вопросы:

— Ты сделал сегодня домашнее задание?

— Да.

Маятник стал клониться в одну сторону. Я внимательно следил за пальцами святого отца.

— Ты лжешь, — сказал он.

Я внутренне признал: да, это так. Но я никак не мог понять, в чем здесь трюк.

— Ты ходил на обед к матери?

— Нет.

И снова маятник начал тихонько покачиваться. Я намеренно врал, чтобы понять, действительно ли он может распознать ложь. Вроде бы у него это на самом деле получалось.

— Ты снова сказал неправду.

Проклятье, откуда ему это знать? Что за чудная игра? Я не мог уловить, где здесь хитрость, а потому предельно сконцентрировался и внимательно наблюдал. Но это не помогло мне противостоять психологическому давлению, которое оказывал на меня этот человек.

Факт остается фактом: после нескольких таких встреч ему удалось сломить мою волю. И вот настал день, когда я наконец понял, к какой мрачной цели ведут все эти подозрительные беседы. События развивались так.

Как-то раз священник предупредил меня:

— Если ты возвращаешься домой после десяти вечера, пожалуйста, обязательно загляни в мою комнату, чтобы я знал, что с тобой все в порядке. Иначе я не смогу спать спокойно.

Через несколько дней я вернулся поздно, около одиннадцати. Приближаясь к дому, я заметил, что в его спальне наверху все еще горит свет. Я отпер входную дверь, и тут свет на втором этаже погас. Он что, спешно нырнул в кровать? Что бы это значило?

Я тихо подошел к спальне, чтобы сообщить, что я дома, и пожелать моему наставнику спокойной ночи. У меня не было сомнений, что он не успел заснуть, ведь лампа минуту назад горела.

— Добрый вечер, — громко сказал я, нерешительно переминаясь с ноги на ногу на пороге. Почему он не отвечает мне? Я снова попытался заговорить: — Я вернулся и сейчас пойду спать.

Ни звука в ответ. Тишина было долгой, она казалась бесконечной. Я оставил дверь слегка приоткрытой, и слабая полоска света из коридора освещала часть комнаты. Мне стало не по себе. Послышалось странное ворчание, шепот — звуки, похожие на те, которые я слышал, когда он бормотал свои диковинные «молитвы». По спине у меня побежали мурашки. Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Казалось, железная рука сжимала мне горло и не давала пошевелиться. В комнате явно происходило что-то недоброе

и устрашающее. В обычной ситуации я просто взял бы и вышел. Почему же я вдруг оказался не в состоянии этого сделать? Куда ушла решимость, что парализовало волю? Я как вкопанный стоял на месте. Панический страх сковал мне грудь. В горле пересохло, я не мог произнести ни слова.

И тут раздался елеинно-медовый голос с придыханием:

— Подойди ближе! — приказал он.

С ужасом я понял, что мне уготовано. Я мобилизовал все имеющиеся у меня внутренние ресурсы, чтобы противостоять оккультным силам, явно призванным для того, чтобы сломить мое сопротивление. Образ моего мучителя благодаря причудам сознания преобразился: теперь силуэт его фигуры напоминал отвратительное животное, похожее на свинью. От ужаса у меня закружилась голова, и я чуть не потерял сознание.

— Иди сюда! — повторил сладкий голос.

В нем теперь звучали нотки угрозы. Я все еще сопротивлялся, но при этом меня будто погрузили в глубокий транс. Все во мне бунтовало против этого человека и его невидимых подручных, заманивших меня в западню. Ноги отказывались сделать четыре шага к кровати. Она вообще представлялась мне обрывом, за которым зияла бездна. Было ясно, что там меня ждет ад. Священник ничего не предпринимал. Он выдерживал угрожающую паузу, время от времени что-то бормоча. Внутри у меня klokотала буря, душа терзалась и мучилась. Но пошевелиться я не мог.

Как же я ненавидел мать в тот момент! Именно из-за нее все так сложилось. Я ненавидел полицию за то, что она не преследовала таких монстров, как этот человек. Я ненавидел и проклинал всех взрослых, потому что они только и знали, что причинять другим боль. Такую же, как это

свиноподобное существо причиняет мне сейчас. Я ненавижу всех и вся, весь мир и самого себя за то, что я оказался неспособным постоять за себя. Но и сдаваться я не хотел! Ненависть придавала мне силы, не позволяла согласиться на тот чудовищный акт насилия, который собирались произвести над моим телом. Я стоял, будто приклеенный к полу, и не делал ни шага — ни вперед, ни назад.

Не знаю, сколько времени я смог простоять так, но в какой-то момент силы мои закончились, и я свалился, как пустой мешок, на эту гнусную кровать. Я был практически без сознания.

И тогда он надругался надо мной...

Это меня убило. Я чувствовал себя грязным, униженным, оскверненным. Он отпустил меня к себе, я с трудом дотащился по лестнице до своей комнаты и заперся в ней до утра.

А потом надо было собираться в школу. Около полутора часов я боролся с одолевавшим меня желанием убить человека, который только что растоптал мою душу.



Мой кошмар длился семь лет. Мои тело и душа подвергались насилию в течение всего этого времени. Как-то раз я решился рассказать матери обо всем, что происходит. Ответ не оставил ни капли надежды на сочувствие:

— Отец Р. — священник! Он не может так поступать. Ты лжешь!

Святоша так легко сломил мое противодействие отчасти из-за того, что я по-прежнему боялся, что меня отошлют обратно домой. Растлитель прекрасно все понимал.